

~~32495~~

~~38.~~

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ

ВЫПУСКЪ 38

ГЕОРГІЙ ВЕРХОВИНСКІЙ.

ЮРКО РУСИНЪ И ЕГО ВНУЧКА

РАЗСКАЗЪ.



БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКИЙ СВѢТЪ».

1 9 2 8.

СОСТАВЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО ПРАВЛЕНІЯ О-ВА ИМ. А. ДУХНОВИЧА НА 1927—1928 ГОДЪ.

Почетные члены: 1. д-ръ Антоній Бескидъ, губернаторъ Подк. Руси, 2. Петръ Гебей, епископъ мукачевскій, 3. д-ръ Алексій Петровъ, профессоръ славяновѣдѣнія.

Президіумъ: 1. архидіак. Евменій Сабовъ, предсѣдатель, 2. д-ръ Стефанъ Фенцикъ, секретарь дѣлопроизводитель, 3. д-ръ Іосифъ Каминскій, 1-й тов. предсѣдателя, 4. д-ръ Игорь Петрикъ, 2-й тов. предсѣдателя, 5. Стефанъ Медьешій, казначей, 6. Андрей Игнацій, второй казначей, 7. Петръ Сова, бібліотекаръ, 8. Константинъ Ревтій, хозяинъ, 9. д-ръ Э. Вальницкій, 1-й письмоводитель, 10. Павелъ Федоръ, 2-й письмоводитель.

Центральное правленіе: 1. Анталовскій Василій, инспекторъ, 2. д-ръ Бачинскій Эдмундъ, 3. д-ръ Бескидъ Александръ, 4. Бродій Андрей, редакторъ, 5. д-ръ Бескидъ Николай, 6. д-ръ Гаджега Юлій, проф. богословія, 7. д-ръ Ілья Гаджега, предсѣд. седріи, 8. д-ръ Гомичковъ Владиміръ, 9. Добошъ Иванъ, инспекторъ, 10. Дюлай Іосифъ, проф. богословія, 11. Драгула Николай, директоръ гимназіи, 12. Карцубъ Викторъ, архидіаконъ, 13. Кизакъ Іоаннъ, каноникъ-профессоръ, 14. Коссей Алексій, архидіак., 15. д-ръ Мачикъ Константинъ, замѣст. предс. суд. табулы, 16. Ковачъ Иванъ, упр. нар. шк., 17. Микита Михайль, проф., 18. Ладзыжнскій Иванъ, учит., 19. д-ръ Петригалла Петръ, гор. гол. г. Мукачева, 20. Поливка Иванъ, б. инсп., 21. Поповичъ Андрей, учит., 22. Юричковъ Василій, учитель, 23. Стасева Феодора Ю., препод. гимн., 24. Гулловичъ Бела, 25. д-ръ Сулинчакъ Василій дир. гимн., 26. Ханатъ Ириней, свящ., 27. Хромьякъ Іосифъ, проф., 28. Шпенникъ Василій, инспекторъ.

Контрольная комиссія: 1. Станкай Юлій, канон., 2. Риганъ Михайль, натар., 3. Федоръ Стефанъ, инсп., 4. Стрипскій Августинъ, инж., 5. Гаталякъ Петръ, директ., 6. Черній Исидоръ, чиновникъ.

СЕКЦИИ О-ВА: I. Научно-литературная: 1. д-ръ А. А. Бескидъ, 2. д-ръ Вальницкій Эм., 3. Гендеръ Иванъ, 4. Василенковъ Василій, 5. Діомидовъ Петръ, 6. Кудронъ Михайль.

II. Организационно-просвѣтительная: 1. Поливка Иванъ, 2. Федоръ Павелъ, 3. Федоръ Стефанъ, 4. Игнацій Андрей, 5. Лизакъ Иванъ, 6. Араній Іосифъ.

III. Издательская: 1. Медьешій Стефанъ, 2. Сова Петръ, 3. Нибесный Эмилианъ, 4. Карпинецъ Эммануиль, 5. Стрипскій Августинъ.

IV. Театральная: 1. Куфтина-Полуэктова О. А., 2. Сова Мелетина, 3. Цуркановичъ Іларіонъ, 4. Араній Іосифъ, 5. Молнаръ Гавріиль, 6. Романъ Стефанъ.

V. Музыкальная: 1. Медрецкій Стефанъ, 2. Якоушъ Вацлавъ, 3. Ковачъ Николай, 4. д-ръ Ст. А. Фенцикъ, 5. Бальцаръ Владиміръ.

VI. Хоровая: 1. Федоръ Павелъ, 2. Крайнякъ Николай, 3. д-ръ Осипъ Ройковичъ, 4. д-ръ Ст. А. Фенцикъ, 5. г-жа Задорова.

VII. Союзъ Русскихъ Женщинъ: 1. Гуловичъ Белла Стеф., (Мукачево), 2. Стасева Феодора Юліановна, (Ужгородъ), 3. Гаталякъ Этель, 4. Медьешій Марія, 5. Бескидъ Ольга Андреевна, 6. Дубай Анна, (Пряшевъ).

VIII. Русскій Историч. Архивъ: 1. д-ръ Гаджега Ілья, 2. Стойка Александръ, 3. д-ръ Савчинскій Григорій, 4. д-ръ Шкирпанъ Наталья, 5. Добошъ Иванъ.

IX. Народные дома: 1. Гаталякъ Петръ, 2. Ковачъ Иванъ, 3. д-ръ Ст. А. Фенцикъ, 4. Сова Петръ, 5. Парлагъ Михайль.

X. Спортивная: 1. д-ръ Каминскій Іосифъ, 2. Бродій Андрей, 3. Шпенникъ Александръ, 4. Збѣглей Іосифъ, 5. Ройковичъ Іосифъ.



10
06
ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ

ВЫПУСКЪ 38

Рег. 240-15 / 14 50
ГЕОРГІЙ ВЕРХОВИНСКІЙ.

~~11.843.~~
Львів. Бібліотека
АН. УРСР

ЮРКО РУСИНЪ И ЕГО ВНУЧКА

РАЗСКАЗЪ.



~~32435~~ / 38.

ЦѢНА 3 КЧ.

УЖГОРОДЪ,
ТИПОГРАФІЯ „ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ“
1 9 2 8.

W5(2-P)53-644

26188

Львівська державна
наукова бібліотека

6754

ГЕОРГІЙ ВЕРХОВІНСКІЙ.

Юрко Русинъ и его внучка.

Наступала весна 192... года.

Я учился на медицинскомъ факультетѣ старославнаго Пражскаго Университета, посѣщаль лабораторіи, больницы, просиживаль цѣлыми днями за учебными книгами и думаль, что когда то начнется моя новая жизнь, когда радость смѣнить, наконецъ, привычный рядъ печалей и заботъ о насущномъ кускѣ хлѣба. Тяжела сиротская доля !

Была весна, и въ надеждахъ на лучшее глаза невольно поднимались отъ книги и летѣли вслѣдъ за облаками, идущими съ запада на востокъ къ роднымъ Карпатамъ. Кто не мечталъ изъ насъ весною, когда двадцатидвухлѣтнее сердце, какъ плѣнная птица, билось о клѣтку изъ реберъ, пытаясь улетѣть на вольную волю? Ощущеніе этой воли охватывало все мое существо, я мнилъ о своей свободѣ, о свободѣ родного края, о свободѣ человѣчества.

Наступала пасха и, такъ какъ я — сирота, то и праздничное время не сулило мнѣ ни уюта, ни радости. Въдъ каждый праздникъ напоминаетъ о тихомъ уголкѣ родной семьи, о забавахъ съ братьями и сестрами, о ласковой рукѣ матери. Чтобы сгладить мое сиротство, я припомнилъ всѣхъ своихъ близкихъ и дальнихъ родичей и послалъ имъ поздравленія съ праздникомъ. Послалъ дядѣ Андрею Фирцаку, что въ Пряшевѣ, послалъ двоюродному братцу Петру Рожнаю, не забылъ и стараго дядюшку, брата моего отца, Ивана Андреевича Владиміра, что долгое время проживалъ въ Америкѣ, а когда узналъ объ освобожденіи родного края — на старости лѣтъ — возвратился къ родному очагу и проживалъ на Верховинѣ въ родной деревушкѣ межъ горами.

Помню, когда дядя Иванъ отправлялся въ дальнюю страну, отецъ мой выѣхалъ на Волосянку провожать его и меня прихватилъ съ собою. Въ ту пору мнѣ было лѣтъ шесть и я помню, какъ прощался дядя, какъ плакала его супруга, держа въ рукахъ малолѣтнюю дочку Терезу. Я поцѣловалъ руку дядѣ и тетѣ и помню, какъ отецъ сказалъ мнѣ:

— Ну, сынку, поцѣлуй же твою названную сестрицу...

Не знаю, почему тогда отецъ мою двоюродную сестру именовалъ «названной»; я не размышлялъ, а послѣ мнѣ было это непонятно.

Проводили мы дядю, а черезъ годъ не стало у меня ни отца, ни матери, ни родной сестрицы Эржи: тогда въ нашей деревнѣ свирѣпствовала эпидемія тифа и унесла тяжкая болѣзнь любимыхъ близкихъ. Взялъ меня тогда на воспитаніе далекій родственникъ со стороны моей матери, ужгородскій учитель Степанъ Петровичъ Поповичъ, человѣкъ большой доброты и сильной воли. Онъ не только вывелъ меня на дорогу, но и научилъ, какъ и дальше пробивать жизненный путь. Въ прошломъ году и онъ, выслуживъ пенсію, рѣшилъ уѣхать въ Пенсильванію и на прощанье сказалъ мнѣ:

— Слушай Адалбертъ, отецъ твой былъ добрымъ русскимъ человѣкомъ. Мы горячо любили другъ друга. Сдѣлалъ я для тебя все, что могъ, дамъ тебѣ еще немного грошей, а ты постарайся стать на свои ноги. Будь вѣрнымъ сыномъ своего народа, учись самъ и другихъ просвѣщай, бо вся наша бѣда въ темнотѣ народной. Вотъ тебѣ мой приказъ!

Такъ и остался я одинокимъ. Но уроки моего возлюбленнаго воспитателя не прошли даромъ. Я не потерялся въ жизненной сумятицѣ и даже поступилъ въ университетъ, зарабатывая свой хлѣбъ уроками и перепиской.

Видно Богъ помогаетъ сиротамъ.

Такъ вотъ, прошло нѣсколько дней послѣ отправки писемъ, какъ мнѣ почталіонъ принесъ отвѣты. Дядя Андрей Фирцакъ благодарилъ за поздравленіе по мадярски, двоюродный братъ, хотъ и прислалъ письмецо на русскомъ языкѣ, но написанное латинкой, и только дядя Иванъ азбукою отписалъ цѣлое посланіе. Вотъ оно:

«Съ нами Богъ!

Воистинну воскресе, любезный Альбертъ!

Весьма радъ и счастливъ, что не запамятовалъ ты меня старика. Най и тебѣ Господь Богъ пошлетъ здравія, чтобы работалъ на пользу народу карпаторусскому и стойко переносилъ невзгоды сей жизни. Очень, очень порадовалъ ты меня тѣмъ, что научился писать по русски, азбукою, и нѣжную русскую душу свою воспиталъ на зависть другимъ. Ъхалъ я на родину и мыслилъ что найду эдоровый русскій духъ, одначе вижу, что и по сію пору наша интеллигенція дачто знаетъ нѣсколько словъ по русски, а изъясняется, какъ и прежде, по мадярски, хотя никто этого нынѣ и не требуетъ. Немного я нашелъ истинныхъ патріотовъ, какими были въ смутныя времена наши честнопамятные поэты Александръ Духновичъ, котораго еще при жизни удалось мнѣ повидать, и Александръ Ивановичъ Павловичъ, мой незабвенный другъ по школѣ. Засталъ бодрымъ и здравствующимъ

щимъ архидіакона Евменія Сабова, съ докторомъ Симеономъ Сабовымъ, прелатомъ, имѣлъ пріятную бесѣду и узналъ, что Иванъ Андреевичъ Поливка издалъ Павловичевы поэзіи. То-то книга вышла! Это все сверстники мои, а новаго поколѣнія я не знаю. Да вотъ, что солодкій юный другъ, пріѣзжай-ка ты погостить ко мнѣ на лѣто: и меня старика обо всемъ увѣдомишь и самъ отдохнешь. Вѣдь ты — птенецъ безъ гнѣзда. Былъ я недавно на кладбищѣ, молился за упокой души родителей твоихъ. Пріѣзжай, вмѣстѣ помолимся! А пока желаю полного успѣха въ наукахъ, храни русскую душу свою и здравствуй.

Твой уйко*) Иванъ Владиміръ.

П. С. ! А помнишь Терезу ? Выросла она, ей уже семнадцать лѣтъ и радуется меня. Она тебя тоже здравствуетъ и проситъ пріѣхать.»

Прочелъ я это письмо и словно само сердце рѣшило: поѣду! Сдавалъ я испытанія и все думалъ: когда-же наконецъ, когда! И Богъ знаетъ, чему радовался, доброму-ли слову, дядиной ласкѣ или... что Тереза зоветъ ?

Въ двадцать два года, весною, — чего не взбрѣдетъ на умъ !

Въ серединѣ іюля кончилъ дѣла въ университетѣ и отправился въ родимыя края.

* * *

Знаете-ли вы, любезный читатель, что значить дорога въ родной край ?

Несется поѣздъ, проносятся поля и лѣса и горы, но сердце летитъ еще скорѣе, вспоминая тѣ мѣста, гдѣ на солнечной полонинѣ дѣтства горнымъ потокомъ пронеслись беззаботные дни. И нельзя различить, гдѣ былъ, а гдѣ сказка — въ этой сладкой повѣсти воспоминаній. И все въ нихъ кажется большимъ — и домъ родной и садъ и луговой потокъ, а пріѣдешь и беретъ сомнѣнье — ужъ не ссыхаются-ли отъ времени и дома и сады и потоки ? Все оказывается меньше и солнца кажется меньше въ родномъ краю и вмѣсто радости встрѣчи выполняетъ изъ сердца тоска лютая по молодымъ днямъ, что снялись съ зеленыхъ кущъ дѣтства и улетѣли въ иные края.

А поѣздъ несется, несется имъ вслѣдъ, но не догнать !

Отъ Праги до Богумина преобладала чешская рѣчь, потомъ внезапно заговорили нѣмцы и мадьяры, а отъ Кошицъ пошелъ мелкій жидокъ-гешефтмахеръ. Тщетно я пытался у самой границы родного края услышать родную рѣчь.

*) уйко = дядя.

И чехъ и нѣмецъ и мадьяръ и жидокъ, колятся по республикѣ, по заграницамъ, а нашъ край — осѣдлый : осѣлъ по Карпатамъ, по Бескидамъ и не сдвинешь его. А сдвинетъ нужда, такъ и полетитъ за океанъ-море, словно проснулся отъ вѣковой дремы. И то правда : спитъ нашъ народъ. Пришелъ къ карпаторусской царевнѣ съ востока красавецъ-царевичъ, очаровалъ, и съ той поры уснулъ нашъ край, наше Угорское царство. Спитъ и пестрѣтъ дремота вышитымъ рукавомъ, сказкой да пѣсней. И такъ будетъ до сужденнаго дня.

Въ Ужгородѣ я немного задержался, купилъ нѣсколько книжечекъ въ Обществѣ им. А. Духновича, чтобы разсказать дядѣ о культурной работѣ нашего края. Потомъ сѣлъ въ поѣздъ и возрадовался : вотъ она родная Русь Подкарпатская ! Тамъ, за окномъ замелькали убогія хижины, поля, винницы, лѣса, а на сѣверѣ на горизонтѣ — синіе, далекіе Карпаты.

Напротивъ меня сидѣла женщина съ малымъ дитяткомъ и баюкала его пѣсней. Когда мать умолкала, онъ открывалъ глаза и давай снова плакать. Мы всѣ къ пѣснямъ отъ колыбели приучены, живемъ пѣсней.

Помню, что женщина не разъ, чтобы замолчала малышъ, пугала его :

— Цыцъ-цыцъ, Иванку, цыцъ !.. Придетъ сюда Юрко Русинъ и возьметъ !

Я издавна собиралъ и записывалъ наши преданія, но о Юркѣ Русинѣ слышать не приходилось. Я спросилъ у женщины — кто же этотъ страшный Юрко ? Та изумленно показала плечами, покраснѣла.

— Юрко Русинъ ? Сесе такой страшный злодѣй былъ... Йой, страшный !

Больше ничего отъ нея о Юркѣ Русинѣ я и не узналъ. Да и думалъ уже объ иномъ : родныя мѣста уже протекали подъ окномъ !

Вышелъ я въ Волосянкѣ, захватилъ съ собою скудныя вещишки и направился пѣшимъ хожденіемъ въ Б., небольшую деревушку, гдѣ проживалъ мой дядя. Дорога шла по долину, гдѣ протекалъ звонкій потокъ, а по его берегамъ ярко зеленѣли пастбища. По пути, недалеко отъ деревни, встрѣтилась пастушья хижа,*) куда къ вечеру сгонялись овечьи стада. Уже смеркалось и пастухи сидѣли передъ дверью въ ожиданьи скудной вечери. Нѣсколько поотдавъ были наношены сухія вѣтки и сложены для костра. Ждали старшаго пастыря, чтобы возжечь огонь : у насъ такой обычай, что вечеромъ огонь возжигаетъ старшій.

*) хижа — хижина.

— А скажите, люди добрые, ци не знаете — дома-ли отецъ Иванъ Владиміръ ? — спросилъ я.

Хлопцы переглянулись и одинъ изъ нихъ тихо сказалъ :

— А вотъ зровна они поѣхали на Волосянку...

— Кто поѣхалъ ?

— Да вотъ священникъ старый съ донькою...

Я былъ этимъ немного обезкураженъ, однако рѣшилъ итти въ деревню. Дѣйствительно, дверь малаго, знакомаго домика была заперта, окна закрыты ставнями : дяди не было дома. Я прошелъ къ церкви и спросилъ сторожа, куда отѣхалъ дядюшка и на долго ли. Тотъ полагалъ, что еще сегодня вечеромъ дядя возвратится, но въ домъ пустить не рѣшился. Размышлять долго не пришлось и я рѣшилъ отправиться въ единственную пристань нашихъ деревень — въ корчму. Я спросилъ у сторожа, гдѣ находится она и отправился нѣсколько успокоенный тѣмъ, что дядя далеко не уѣхалъ.

Корчма, гдѣ обрѣтался необходимый для каждой деревни жидокъ, стояла при дорогѣ на самомъ краю селенія. Дѣло было въ субботу и черезъ окошко я увидѣлъ, что все семейство корчмаря сидѣло за вечерей. Я постучалъ въ ворота и на стукъ вышла недовольная жидовка :

— Кто тамъ тлуче ? Цо хотите ?...

Я объяснилъ, что мнѣ необходимъ ночлегъ. Жидовка подозрительно оглядѣла меня и сказала, что у нихъ все занято и, если я хочу, то могу переночевать на сѣнѣхъ подъ навѣсомъ. Я согласился.

Пока я переносилъ вещи, корчмарка распрашивала — кто я, къ кому пріѣхалъ. Потомъ уходя сказала :

— Тутъ стояли вояки*) и обокрали, совсѣмъ обокрали...

Я согласился съ этимъ доводомъ предосторожности, полагая, что переночевать на свѣжемъ воздухѣ, да еще при любимыхъ воспоминаніяхъ будетъ даже пріятно. Подъ навѣсомъ было сложено свѣже-высушенное, еще хрустящее солнечнымъ лучомъ сѣно. Я принялся соорудить свою душистую постель, какъ вдругъ снова открылась боковая дверь корчмы и показался жидокъ лѣтъ пятнадцати, очевидно сынъ корчмаря. Онъ подошелъ къ навѣсу и наблюдалъ за моею работой. Наконецъ онъ поинтересовался :

— А ци далеко панъ цестуе**) ?...

Я отвѣтилъ, что пріѣхалъ къ мѣстному священнику, что на пенсіи, отцу Ивану Владиміру.

— Але, паночку, — ядовито сказалъ жидокъ, — туй у насъ парохомъ панъ отецъ Ройковичъ ! — Я понялъ, что

*) вояки — солдаты.

**) цестуе-чешск. — путешествуетъ.

онъ хотѣлъ провѣрить, точно-ли я знаю отца Ивана и его социальное положеніе и далъ соотвѣтствующій отвѣтъ.

— Такъ, такъ, — съ удовлетвореніемъ закивалъ головою жидокъ, — я дуже знаю пана отца... А у него красна донька, дуже красна !... — продолжалъ онъ, какъ бы вывѣдывая, ужъ не въ женихи-ли я мѣчу ? Я молчалъ и онъ скрылся въ хижу со словами :

— Мысля же пану будзе зима подъ стрѣхою...

Я облегченно легъ, но двери корчмы снова отворились и мелкими шажками выползъ самъ длинно-бородый корчмарь. Онъ неожиданно предложилъ мнѣ перейти ночевать въ сѣни, чтобы не было холодно и эта заботливость показала мнѣ странной. Корчмарь настаивалъ и, когда я перешелъ въ сѣни и рассказалъ кто я и откуда родомъ, корчмарь завосклицалъ, пригласилъ меня въ боковую комнату, принесъ хлѣба и сыру. Послѣ такого вниманія спросилъ я :

— Ну, а скажите, какъ-же васъ вояки обокрали ?

— Обокрали, паночку, обокрали... — жалобно завопила хозяйка, словно спѣша отвѣтить на вопросъ первой.

Возмущеніе закипѣло въ моей груди :

— А что же начальство ? Что судебныя власти ?

— Что начальство ? — безнадежно махнулъ рукою корчмарь. — А развѣ можетъ начальство подѣлать что съ казаками ?

— Съ какими казаками ? — изумился я.

— Съ какими казаками ? — цинично повторилъ корчмарь и, словно желая отложить на будущее неприятный разговоръ, спросилъ : — Панъ заразъ будзе отпочиваць ?

Догадка мелкнула у меня въ головѣ и я громко засмѣялся : этотъ случай съ воровствомъ вояковъ корчмарь приберегъ еще со временъ европейской войны, чтобы принимать мѣры предосторожности противъ нежелательныхъ постояльцевъ !

Наконецъ я остался одинъ.

Было уже около десяти часовъ, но спать не хотѣлось. Я потушилъ свѣтъ и растворилъ окно. Тихая ночь едва шестѣла въ кустахъ, величественно текла по небу и располагала къ грусти одинокія сердца. Изъ-за горъ показывалась луна, свѣтъ ея серебрянымъ блескомъ ложился на деревню. Далеко слышалось стройное пѣніе дѣвушекъ, изрѣдка показывался запоздалый путникъ. Могучіе Карпаты, словно великаны, хранили уютъ малаго селенія.

Наконецъ, при свѣтѣ луны, я замѣтилъ, что кто-то подошелъ къ корчмѣ и, увидавъ мое открытое окно, остановился.

— Это ты, панъ Ицыкъ ? — спросилъ старческій голосъ.

— Это только постоялецъ, — отвѣтилъ я, — панъ Ицыкъ въ корчмѣ...

— Адальбертъ ?

Тутъ я инстинктивно понялъ, что это былъ дядя Иванъ. Сердце мое возрадовалось, и я опромѣтну выпрыгнуть въ окно, подбѣжалъ къ высокому худощавому старику и обнялъ его. Мы троекратно поцѣловались и дядя ласкающе похлопалъ меня по плечу.

— Вишь какой, смотри Ицыкъ гвалтъ подыметъ !... Пойдемъ, хлопче, я тебя давно поджидалъ.

Я хотѣлъ было лѣзть обратно въ окно за своими вещами, но дядя остановилъ и самъ зашелъ въ корчму распорядиться, чтобы мою корзину доставили къ нему на домъ.

Мы быстрыми шагами направились по улицѣ. Дядя взялъ меня подъ руку.

— Вотъ каковъ ты !... Выросъ, парень, выросъ на славу ! А я былъ въ Волосянкѣ по дѣламъ... Тереза тамъ и заночевала у своей подруги...

Не знаю почему, но эти слова словно урвали кусочекъ и безъ того большого счастья.

Дядинъ домикъ былъ окруженъ достаточнымъ фруктовымъ садомъ и еще издали бѣлѣлъ при лунѣ. Мы взошли на деревянный балкончикъ, гдѣ стояла свѣча въ матовомъ стеклянномъ абажурѣ и пожилая женщина готовила вечерю. Дядя зажегъ восковой огарокъ и провелъ меня по дому, показывая свое старое гнѣздо.

— Ачей помнишь, Адальбертъ ? Вѣдь ты малышомъ туй-ко не разъ бывалъ ! Вотъ въ той комнаткѣ ночевалъ, гдѣ теперь Тереза живетъ... Ну да она сама ее покажетъ, а мы пойдемъ повечеряемъ — вѣдь ты съ дороги голодень ?

Я рассказалъ объ угощеніи въ корчмѣ и о моихъ заключеніяхъ на ночлегѣ. Дядя смѣялся отъ души.

— Самъ Ицыкъ человѣкъ осторожный, а зато другого провести ! Сызмальства знаю его, вмѣстѣ росли. Только онъ, пожалуй, выглядитъ моложе моего...

Я посмотрѣлъ на дядю. Ему было шестьдесятъ семь лѣтъ, это я зналъ, но по виду онъ былъ гораздо моложе. Высокій, худощавый, онъ держался прямо, на его гладко выбритыхъ щекахъ, словно забытый лучъ заходящаго солнца, игралъ румянецъ. Сѣдая пряди волосъ только отѣняли молодость его лица. Только отъ улыбающихся очей къ вискамъ шли лучи морщинъ, теплые и ясные, какъ лучи осенняго солнца.

— Ну, хлопче, вижу, выросъ ты на славу ! Хотя и въ бѣдности, да на славу ! Русскій человѣкъ изъ тебя вышелъ — радуюсь, радуюсь.. Впрочемъ, всѣ наши русскіе люди на Подкарпатьи не богаты грошами, да зато вѣра у нихъ жива...

И дядя съ достоинствомъ прочелъ стихи Павловича :

«Слава Богу — еще въ насъ
Пламень вѣры не погасъ !»

— Дядюшка солодкій, — сказалъ я, — вы еще молоды, я даже поперву не узналъ васъ, а это, говорятъ, къ богатству.

— Полно, друже, я и такъ богатъ! Жизнь прожилъ, много претерпѣлъ, а все еще богато сердце любовью къ сему міру, любить жизнь. Не въ грошахъ богатство, хлопче!...

Долгое время сидѣли мы за чаемъ и много любопытнаго услыхалъ я отъ дяди. Наконецъ часы въ комнатахъ мѣрно пробили полночь. Дядя всполошился.

— Однако и отпочинуть время!... Хоть и радуюсь я, глядя на тебя, а все же надо и честь знать. Мнѣ то ничего просиживать ночи за разговорами, я за полъ вѣка отоспался, а ты человѣкъ молодой, да еще и съ дороги...

— Нѣтъ, нѣтъ, — запротестовалъ я, — въ такую ночь радостной встрѣчи грѣшно спать, особенно когда сердце чувствуетъ близкаго, родного русскаго человѣка. Вотъ вы скажите мнѣ, солодкій уйко, что это за страшный человѣкъ былъ Юрко Русинъ?

Дядя, уже вставшій было со стула, изумленно поднялъ брови, пристально посмотрѣлъ на меня и задумчиво прошелся по балкончику. Мнѣ показалось, что дядя что то серьезно обдумывалъ и, можетъ быть, даже не былъ доволенъ моему вопросу. Чтобы сгладить неожиданное впечатлѣніе я разсказалъ о той женщинѣ, что пугала этимъ именемъ своего малого ребенка.

Повидимому это дядю Ивана нѣсколько успокоило, онъ медленно присѣлъ на плетеное кресло, поглядѣлъ въ ночь, сіявшую колдующимъ луннымъ блескомъ и тихо началъ свой разсказъ.

— Знай, хлопче, эту хижу, гдѣ мы съ тобой сидимъ, строилъ мой дѣдъ. Жилъ въ ней и умеръ. Потомъ жилъ въ ней и батько мой и тоже умеръ. Вотъ и я живу: пріѣхалъ изъ Америки умирать въ родную хижу...

— Э, уйко родной, да вы еще много, много лѣтъ будете здравствовать! — воскликнулъ я.

— Много-ли, мало, а умирать надо, — спокойно замѣтилъ дядя и улыбнулся мнѣ. Затѣмъ онъ возвратился къ своему разсказу.

— Такъ вотъ въ этой самой деревнѣ много лѣтъ тому назадъ проживалъ и газдовалъ*) русскій человѣкъ по имени Юрко Русинъ. Небольшое было у него газдовство, но работалъ онъ честно и всегда бывалъ въ достаткѣ. Въ ту пору у насъ Юрки никто не боялся и почитали его добрымъ человѣкомъ. Если кому нужно было платить подати, а грошей у него не было, пойдетъ онъ къ Юркѣ Русину и, если тотъ знаетъ, что проситель человѣкъ честный и труженикъ, всег-

*) газда по мадьярски — хозяинъ; газдовать — хозяйничать.

да поможетъ ему, послѣдній грейцаръ *) отдасть. Только Юрко уже и въ ту пору былъ сознательнымъ русскимъ человѣкомъ. На хижѣ у него висѣла дощечка съ рѣзной надписью азбукою : «Съ нами Богъ !», а въ покояхъ, всегда украшенная вѣночкомъ изъ барвинка, зелено-синимъ, картинка изъ «Поздравленія Русиновъ» нашего приснопамятнаго и честнодостойнаго батька Духновича со стихами : «Я русинъ былъ, есмь и буду...» Вотъ и бывали такіе случаи, что придетъ къ Юркѣ сосѣдъ и давай ему по мадярски гуторить свое прошеніе. Юрко и слушаетъ, да не отвѣчаетъ. Ужъ проситель и такъ и сякъ излагаетъ, а Юрко все молчитъ. А потомъ разведетъ руками и говоритъ : «Не розумѣю, паночку, что гуторите. Я — русскій человѣкъ и говорю по русски и русскаго человѣка понимаю, когда онъ на родномъ языкѣ говоритъ.» — Э, хлопче, это и теперь часто бываетъ, что наша интеллигенція предпочитаетъ, къ стыду своему, изъясняться по мадярски, а въ ту пору это было совсѣмъ обычное дѣло. Но такъ какъ Юрку уважали, то и привыкли односельчане, а потомъ и вся округа, говорить съ Юркою по русски. Больше того ! Бывало сойдутся наши газды на улицѣ, начнутъ гуторить по мадярски, да какъ только увидятъ, что Юрко идетъ къ нимъ, такъ и давай родной языкъ вспоминать. И не потому, что боялись его, а умѣлъ онъ словомъ своимъ разбудить дремотную душу нашего русина, слезы вызвать на горемъ высушенныхъ очахъ ! Отецъ мой, доброй памяти, хотъ и не дуже умѣлъ на родномъ языкѣ изъясняться, да была у него русская душа. Пала въ нее искра Юркиныхъ словъ и запылала : отъ той поры вся наша семья начала говорить по русски ! Э, да что говорить, во мнѣ и по нынѣ горитъ его искра ! Вѣрный, вѣрный человѣкъ былъ Юрко Русинъ ! И что удивительно, даже начальство наше уважало Юрку, хотъ и былъ онъ для него бѣльмомъ въ глазу.

Въ 1863 году выбирали у насъ въ селѣ нотаря и пріѣхалъ окружный начальникъ. Наши селяне дуже хотѣли выбрать Юрку Русина, но онъ самъ отказался и послѣ этого постановили подавать голосъ за Андрея Леудара, газду и пріятеля Юрки. Вышло-же такъ, хотъ и назначили въ комиссію своихъ людей, да оказался нотаремъ не Леударъ, а Силаги. Народъ возмутился, началъ волноваться, а окружный давай кричать да пугать жандармами. Юрко и скажи : «Что кричишь, народъ русскій, — не твоя воля !» Взяли Юрку жандармы, увезли съ собою и слѣдъ простылъ.

Жена Юрки умерла при родахъ, осталась малая донька по имени Гаврііла, за которой ухаживала старая служка — родственница, что пріютилъ Русинъ. Думали-гадали люди,

*) грейцаръ — крейцеръ, старая мелкая австрійская монета.

какъ быть съ ребенкомъ и рѣшили не дать ему умереть. Поручили Гавріилу Русинку вдовѣ Дубаевой и кто сколько могъ давалъ на воспитаніе сироты горе-горькой. У насъ такъ и рѣшили, что не возвращаться Юркѣ въ родное село.

Прошла зима, начали газды орать да сѣять. Только стало солнце горячѣе, какъ объявился у насъ въ горахъ лютый разбойникъ. Убилъ двухъ жандармовъ, убилъ Силаги — нотаря. Нѣкоторые люди наши, что ходили черезъ горы, рассказывали, что приходилось имъ видѣть разбойника издали, а когда они въ страхъ начинали бѣжать — онъ кричалъ имъ въ слѣдъ: «Не бойся, русскій человекъ, тебя отмщаю!» Тутъ и пошла въ народѣ молва, что бѣжалъ Юрко Русинъ изъ тюрьмы и теперь скрывается въ горахъ. Правда и то, что ловецъ*) Юрко былъ отмѣнный, острое око имѣлъ и съ флинтковой обращеніе зналъ. Въ народѣ такъ догадывались, но отецъ мой тому вѣры не давалъ.

Дѣло было въ концѣ сентября мѣсяца, уже началось винобраніе,*) какъ узнали мы, что убилъ разбойникъ самого окружнаго. Тутъ пригнали къ намъ цѣлый отрядъ жандармовъ, начали допрашивать народъ, не видалъ-ли кто разбойника, каковъ онъ собою, гдѣ скрывается и т. д. Начали обходить горы, дѣлать засады, однако ничего не обнаружили, а разбойникъ-то съ дальнихъ высотъ, пока его искали, еще двухъ жандармовъ подстрѣлилъ.

Въ одинъ изъ дней такихъ облавъ сидѣли мы съ отцемъ возлѣ церкви на прилавочкѣ и училъ меня отецъ азбукѣ. Мнѣ въ ту пору было лѣтъ восемь, ходилъ я въ мадыарскую школу. Когда прибѣгаетъ къ намъ служба и говорить: «Къ вамъ, отецъ Иванъ, гость пріѣхали...» Поднялись мы съ отцемъ и побрели домой. На крыльцѣ стоялъ человекъ достаточного росту, крѣпкаго тѣлосложенія одѣтый въ реверенду. Лицо его было выразительно и на вискахъ блестѣли сѣдые пряди. Увидѣвъ отца онъ простеръ руку и низкимъ, пріятнымъ голосомъ произнесъ:

— «Здравствуй, здравствуй, другъ солодкій Иванъ Андреевичъ!..»

Они обнялись и троекратно поцѣловались. Потомъ гость взглянулъ на меня:

— «А это, прошу, будетъ твой наслѣдникъ?»

Я подошелъ къ сѣдовласому гостю, поцѣловалъ ему руку и сказалъ:

— «Здравствуй, уйко...»

Отецъ смутился и сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что вмѣсто «здравствуйте» я сказалъ «здравствуй», но гость ласково улыбнулся и погладилъ меня по головѣ.

*) винобраніе — сборъ винограда.

*) ловецъ — охотникъ.

— «Вижу, что хоть и малъ ты, хлопчикъ, а по русски умѣешь!»

Тутъ словно кто подсказалъ мнѣ, словно молнія осѣнила мой мозгъ, придала смѣлости — взялъ я и прочелъ тѣ стихи, что всегда повторялъ мой отецъ:

«Я русинъ былъ, емь и буду,
Я родился русиномъ...»

Сказалъ да такъ застыдился своей неожиданной смѣлости, что бросился къ отцу и спрятался у него въ реверендѣ.

Дядя всталъ, прошелся по балкончику и продолжалъ:

— Да, этой встрѣчи я никогда не забуду. Вѣдь гость былъ никто иной, какъ самъ Александръ Васильевичъ Духновичъ! Объ этомъ я узналъ тогда же отъ старшей сестры и, хотя я и не могъ еще понять своимъ дѣтскимъ умишкой значеніе нашего карпаторусскаго великана духа, однако чисто инстинктивно благоговѣлъ передъ нимъ и даже настолько, что когда за вечерей подала мать баники съ сыромъ, то я не могъ отвести очей съ нашего знаменитаго гостя и считалъ сколько баниковъ скушаетъ славный гость. Впрочемъ до конца счета я не довелъ, такъ какъ сестрица замѣтила странный видъ моего благоговѣнія и пребольно ушипнула меня за ногу.

Однако, хлопче, я отвлекся отъ прямого разсказа, — что подѣлаешь, на старости лѣтъ воспоминанія одолѣвають! Долго въ тотъ памятный вечеръ сидѣла наша семья за столомъ, потомъ, наконецъ увели меня въ сосѣдній покойчикъ спать, но я въ волненіи только ворочался на постели. Было, вѣрно, уже за полночь, бесѣда въ столовой все еще продолжалась, какъ вдругъ въ окно раздался робкій стукъ. Отецъ растворилъ окно, выглянулъ и спросилъ: «Кто тамъ?» — мужской голосъ отвѣтилъ: «Пусти, отецъ Иванъ, добрый знакомый!» Отецъ впустилъ да такъ всѣ и обмерли. Вошелъ высокій въ ободранной одеждѣ, заросшій бородою чловѣкъ. Онъ дрожалъ отъ холода и странно озирался большими измученными очами. Вошелъ, поклонился и сказалъ: «Примите, русскіе люди, бѣлаго злодѣя! За совѣтомъ пришелъ!» Отецъ отступилъ на шагъ назадъ и воскликнулъ: — «Юрко, такъ это ты?» — «Я, отче, — тихо и униженно отвѣтилъ оборванецъ и опустилъ въ землю счи. Наступило томительное молчаніе, пока,, наконецъ Юрко не заговорилъ тихо и въ то же время рѣшительно. Я въ это время стоялъ въ своей длинной ночной сорочкѣ у дверей и поглядывалъ въ щелку. Юрко разсказывалъ о томъ, какъ онъ мучался въ тюрьмѣ, какъ его били за то, что онъ не пожелалъ отказаться отъ убѣжденія, что съ его народомъ поступаютъ несправедливо и какъ онъ бѣжалъ, рѣшаясь мстить за народныя права. — «И вотъ я сталъ разбойникомъ, — закончилъ онъ,

— но и для злодѣевъ приходитъ послѣдній часъ. Осень холодная, всѣ ягоды по горамъ я обглодалъ, въ своей пещерѣ я замерзаю, меня ищутъ... Я пришелъ просить совѣта — отдаться ли мнѣ жандармамъ или до смерти своей убивать, убивать...» Юрко заплакалъ и я замѣтилъ, какъ полны были слезъ очи слушателей. Тогда мѣрно всталъ Александръ Духновичъ, подошелъ къ Юркѣ, положилъ ему на голову руку свою и сказалъ : — «Что любишь свой народъ — извѣство мнѣ. Русскій человѣкъ не можетъ быть злодѣемъ и вотъ тебѣ мой совѣтъ. Велико наше русское племя, иди туда, гдѣ живутъ въ свободѣ, Расскажи о насъ, плѣнныхъ, и неизмѣнно моли Господа о прощеніи грѣховъ твоихъ. Коли ушелъ изъ тюрьмы, дойдешь и до Руси-Матушки, не загинешь, какъ плевелъ. Убивать нельзя, грѣшно, а одинъ въ полѣ — не воинъ. Такъ-то, братъ !»

Юрко схватилъ руку своего совѣтника, горячо поцѣловалъ ее и спросилъ : «А какъ имя твое, добрый человѣкъ?» — Духновичъ развелъ руками : «Имя ? Да имя-то у насъ съ тобою одно — я русинъ !»

Припоминаю, что отецъ далъ Юркѣ на дальній походъ кое-что изъ своего платья, мать и сестра собрали въ мѣшечекъ ѣду и отправился нашъ ночной гость въ ночное осеннее море...

— Да, вотъ какъ было дѣло ! ... — вздохнулъ дядя. — Черезъ два года почилъ Духновичъ, только не замолкъ его голосъ въ нашихъ сердцахъ. Много лѣтъ прошло, выросла Гавріила Русинка и выдали ее замужъ за добраго русскаго газду. Газда молочарилъ и частенько ѣздилъ на Волосянку съ продуктами. Вотъ однажды возвращался онъ домой и встрѣтилъ у моста черезъ потокъ странника. Тотъ и проситъ : «Добрый человѣкъ, возьми меня съ собою, не ходять мои старыя ноги !» Газда усадилъ странника на возъ и поѣхали. О многомъ вели бесѣду, а потомъ старикъ спрашиваетъ : «А не знаешь-ли, добрый человѣкъ, жива-ли Гавріила Русинка ? Молится-ли о прощеніи грѣховъ отца своего, лютаго разбойника ?...» — «Какъ не жива, отвѣтилъ газда, да она жена мнѣ ! А отца, несчастнаго русскаго человѣка мы оба каждый вечеръ вспоминаемъ и молимся о спасеніи души его. А ты, дѣдо, почему такъ спрашиваешь ?» — Странникъ перекрестился трижды : — «Слава Христу, Искупителю нашему...» Потомъ вздохнулъ и сказалъ : «Знавалъ я тогдѣ грѣшнаго человѣка...» Приѣхали, газда позвалъ свою жену, начали странника спрашивать, откуда знаетъ онъ Юрку Русина, а старикъ и говоритъ : «Я — странничаю, вотъ и встрѣтились мы на широкой Русской землѣ. Разказалъ мнѣ рабъ грѣшный Георгій о жизни своей и просилъ передать донькѣ, если увижу, что прѣмѣнялъ онъ флинтковку на молитву и просить близкихъ молить у Господа Бога прощеніе грѣшной его душѣ.» — «Да живъ ли отецъ мой ?» — съ пла-

чемъ воскликнула Гавріила, взглянула на старца и бросилась къ нему въ объятія.

Недолго прожилъ отецъ у доньки, на другой или третій день вышелъ онъ изъ хижи, да только его и видали! Радовалась Гавріила, что отца видѣть пришлось и брала печаль, что ушелъ странникъ невѣдомо куда. Настала осень, пошли наши бабы въ лѣсъ за топливомъ и у камня, что у верхней полонины, нашли трупъ стараго человѣка, а на самомъ камнѣ начертанъ крестъ. Гавріила по одеждѣ опознала своего отца, похоронила, какъ невѣдомаго странника, и рѣшила покинуть домъ и итти пѣшкомъ ко гробу Господню, а передъ тѣмъ испросить благословеніе у Святого Отца. Мужъ принялся ее усовѣщевать — какъ же съ хозяйствомъ да съ малою донькою быть? Можетъ быть и отошла бы Гавріила, да случилось прескорбное событіе. Газда, мужъ Русинки, чинилъ стрѣху на столдѣ, оступился, упалъ и на смерть убился. Я самъ въ ту пору получилъ отцевскую парохію и хоронилъ его. Да... Вотъ послѣ похоронъ приходитъ Гавріила къ однимъ добрымъ людямъ и говоритъ: «Вѣдомо мнѣ, что должна я итти странствовать, гнѣвается Богъ, что не молилась я какъ должно объ отцѣ, наказалъ онъ меня. Возьмите доньку мою малую на попеченіе, какъ узнаю, что Господь простилъ меня, пришлю вѣсточку.» — У добрыхъ людей ребятъ не было; хотъ и желали они, да Богъ не послалъ, вотъ и приняли они доньку Гавріилину, внучку Юркину, а мать ушла въ далекое странствованіе. Русскіе люди любятъ край свой, сиднемъ сидятъ, а какъ сорвутся съ мѣста — такъ и весь міръ имъ отечество, и тутешніе они и тамошніе, гдѣ хлѣбецъ сродился...»

Тутъ дядя какъ то замялся и, видимо, рѣшилъ прекратить разговоръ. Онъ показаль на востокъ и сказала другимъ, словно прояснившимся отъ печали голосомъ:

— Да ужъ начинается свѣтатъ, вотъ какъ мы съ тобою заговорились. Мнѣ-то ничего, а ты молодъ, да еще съ дороги...

— Нѣтъ, нѣтъ, дядя, я спать не хочу! — воскликнулъ я въ надеждѣ, что услышу окончаніе необыкновеннаго разсказа, но дядя рѣшительно всталъ.

— И, полно, ты прилягъ, а я пройдуся немного по чистому воздуху. Вишь, ужъ пятый часъ!

Я бросился обнимать дядю и просить, чтобы и меня онъ взялъ съ собою на утреннюю прогулку.

— Ну, ладно, — улыбнулся дядя — только съ условіемъ: какъ придемъ домой, такъ и ляжешь отпочинуть. Даешь слово?

Я далъ слово и мы вышли.

Мы вышли на уличку, когда еще туманъ дремалъ въ бурьянѣ по канавамъ. Гдѣ-то въ саду попискивала сонно раняя пташка. Горы стояли въ синемъ полуснѣ.

Мы медленно шли по срединѣ улицы, и дядины глаза улетали въ невѣдомыя дали, не то вызирая кого-то, не то уходя въ далекое прошлое.

Возлѣ корчмы позѣвывалъ молодой жидѣнокъ, чесалъ грудь и, завидѣвъ дядю, поклонился и сказалъ :

— Най Боже добрый день, пане !

— Най Боже ! — отвѣтилъ дядя. — А ты скажи, когда прїѣзжаетъ лавочникъ ?

— Иванчо ? — спросилъ жидѣнокъ, — а вотъ я чекамъ*) на него . . .

За околицей черезъ дорогу пастухи гнали своихъ овецъ въ горныя полонины. Мы остановились и пропустили стадо. По горамъ ползъ сѣрый туманъ и овцы смѣшались съ нимъ, спѣша на росистыя травы. Пастухи, проходя, снимали шапки.

— Слава Иисусу Христу !

— Во вѣки слава ! — отвѣчалъ дядя. На лицѣ его появилась старческая улыбка, словно съ туманомъ опадала его задумчивость. Онъ улыбался, предчувствуя ясный денѣкъ.

Мы шли по дорогѣ вдоль потока, поросшаго ольхою, и слышно было, какъ его холодныя чистыя струи звонко запѣвали о наступающемъ утрѣ, о горахъ Карпатскихъ, о дальнихъ зеленыхъ полонинахъ... Гдѣ-то вдаль послышалось грохотанье воза по каменистой дорогѣ. Дядя остановился.

Небо за горами уже окрасилось въ розоватый цвѣтъ, багровѣли облака и казалось, что приближается тотъ тайный, тотъ волшебный мигъ, когда изъ-за темно-зеленаго смеречника**) взлетитъ въ небосводъ волшебная жаръ-птица и растеряетъ свои солнечныя перья по всему краю.

Не знаю о чемъ думалъ въ тотъ мигъ дядя, но остановка казалась мнѣ столь умѣстной, столь роковой, что я не думалъ, отчего мы стоимъ, чего ждемъ : я благоговѣлъ передъ волшебствомъ пришествія новаго дня.

Возъ приближался и я невольно взглянулъ на ѣдущихъ. Сердце, птица плѣнная, вздрогнуло въ костяной клѣткѣ. Тамъ — на помостѣ зеленого сѣна, покрытаго вышитымъ рушникомъ, сидѣла дѣвица семнадцатой весны. Она улыбалась, глядя на насъ, и, чѣмъ ближе была телѣга, тѣмъ яснѣе и лучезарнѣе было ея прекрасное лицо. Я забылъ о дядѣ, и мнѣ казалось, что эта волшебная улыбка предназначалась мнѣ, какъ солнечные лучи — всѣмъ людямъ.

Много, много на русскомъ Прикарпатъи красивыхъ дѣ-

*) Чекамъ — чешск. = ожидаю.

**) Смерекъ, смерекъ — видъ ели; смеречникъ — еловый лѣсъ, ельникъ.

вушекъ — и въ Пряшевѣ, и въ Мукачевѣ, и въ Ясинѣ, но нѣтъ прекраснѣе, нѣтъ обольстительнѣе верховинскихъ. Словно дикіе цвѣты — онѣ въ своихъ горныхъ деревушкахъ сохранили свою естественную прелесть — и чистоту очей и уста алая, какъ черешни, и косы, вольно лежащіяся на гордыя, на юныя плечи. Они — какъ царевны горъ ловки и подвижны, а когда запоютъ — изъ далекаго далека имъ созвучать, какъ эхо, горные потоки, лѣса и скалы...

Я заглядѣлся на волшебную улыбку верховинской дѣвицы!

Солнце-ли взошло, сверкнули-ли его острые лучи или только эта улыбка озаряла весь міръ? Не помню, не знаю, я думалъ только о томъ, что скоро проѣдетъ возъ и у меня не хватитъ силъ, чтобы не обернуться и не проводить восхищеннымъ взглядомъ дивное видѣнье.

Однако, къ моему изумленію, не доѣзжая меня—подвода остановилась, красавица легко прыгнула на землю и... бросилась къ дядѣ Ивану. Я обернулся и замѣтилъ, какъ дядя съ улыбкой наблюдалъ за моимъ очарованіемъ. Мнѣ стало совѣстно, что я не сдержалъ своего чувства и горѣлъ счастьемъ, что видѣніе переходило въ явь.

— Здравствуй, здравствуй, донька!.. — говорилъ дядя, пѣлуя прекрасную дѣвушку. — Видишь какого гостя послалъ намъ Господь: братецъ твой Адальбертъ пріѣхалъ!

Я смутился еще пуще и не зналъ, какъ привѣтствовать свою двоюродную сестру. Дѣвушка лукаво посмотрѣла на меня и съ улыбкой подала мнѣ руку.

Мы возвратились домой. Солнце било въ глаза, пѣли птицы, славя утро и пѣло сердце мое о подаренной людямъ юности.

Какъ я не противился усталости, но уже за веселымъ утреннимъ чаемъ меня начало клонить ко сну. Я слушалъ смѣхъ и лепетъ Терезы, любовался ею, и мнѣ казалось, что все это происходитъ въ счастливомъ снѣ. Наконецъ дядя сказалъ:

— Ну, а теперь надо и отпочинуть! Помнишь, что ты мнѣ обѣщалъ? Я не противился. Тереза убѣжала въ комнаты, и я видѣлъ, какъ она проносила подушки, взбивая ихъ. Я легъ на постель, моя юная кровь пѣла въ вискахъ, и глаза застилалъ какой-то розовый туманъ. Я прижалъ щеку къ подушкѣ, что взбивали дѣвичьи руки, и безмятежно уснулъ. Въ райскомъ сновидѣніи пѣли птицы и теплый лучъ гладилъ мое чело.

Я прожилъ у дяди около двухъ недѣль, и онѣ пролетѣли, какъ сладкій сонъ. Я чувствовалъ себя словно въ волшебномъ кругу изъ котораго не было выхода. Однако, чѣмъ дольше жилъ я на Верховинѣ, тѣмъ яснѣе и необхо-

димѣ вставалъ вопросъ именно о выходѣ изъ роковаго круга.

Столько лѣтъ я чувствовалъ себя безпріютнымъ сиротою, столько лѣтъ не зналъ не только ласки, но и участія — и вдругъ нашлось, если не родное, то родственное гнѣздо, гдѣ меня любили, гдѣ обо мнѣ заботились, гдѣ впервые я почувствовалъ и радость и печаль юношескаго очарованія. Да, и печаль, потому что мое чувство къ двоюродной сестрѣ, хотя бы на внѣ, должно было останавливаться на границѣ братской любви. Я напрягалъ всѣ свои силы, чтобы не оскорбить наивныхъ ласкъ моей сестры, прекрасной верховинской дѣвушки.

И, странно, порой мнѣ казалось, что Тереза относится ко мнѣ не только какъ къ близкому родственнику и при этомъ не желаетъ видѣть той пропасти, которая открывается для насъ обоихъ. Мнѣ даже казалось, что она не совсѣмъ довольна моей предумышленной холодною, что она ждала отъ меня чего то большего, нежели я давалъ. Я объяснилъ это ея молодостью и наивною и все болѣе чувствовалъ себя несчастнымъ.

Однажды въ теплый лунный вечеръ сидѣли мы на крыльцѣ. Дядя началъ припоминать что-то о моемъ дѣтствѣ, и я, поддаваясь потоку воспоминаній, принялся разсказывать о своей сиротской жизни. Я долго говорилъ и чувствовалъ, что мой разсказъ направленъ къ тому, чтобы вызвать искру сочувствія у моей юной сосѣдки. Я самъ чувствовалъ, какъ мѣстами поэтиченъ былъ мой разсказъ и зналъ, что этотъ даръ является только временнымъ исходомъ моего чувства. Когда я кончилъ повѣсть — луна скрылась за облакомъ, и нѣжная, ласковая рука Терезы легла на мою руку и пожала ее. Дядя кивалъ головою и смотрѣлъ на черныя вершины горъ. Я воровски нагнулся и поцѣловалъ руку Терезы. Я былъ полонъ счастья.

Потомъ всѣ отправились спать. Пошелъ и я, но послѣ минуты раздумья выпрыгнулъ въ окно, и невѣдомая сила повлекла меня бродить въ горы. Я шелъ и останавливался и снова шелъ, не зная куда и зачѣмъ иду. Можетъ быть мною владѣло желаніе найти исходъ? Почему, почему только сестра? Почему я не могу назвать ее моей невѣстой? Я стоялъ и восклицалъ, и гдѣ-то далеко — ясно и весело — отвѣчало мнѣ горное эхо.

Я припоминалъ, какъ мы съ Терезой бродили по луговинѣ вдоль потока и она плела вѣнки изъ вереска, одѣвала ихъ на свою русую головку и спрашивала меня — хорошо ли ей? Вспоминалъ, какъ пѣла она пѣсни и спрашивала — нравится-ли мнѣ ея пѣніе? Я холодно восторгался и въ ея очахъ читалъ не то упрекъ, не то разочарованіе. Неужели и она меня любила? — Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — восклицалъ я —

все это происходит отъ моего разстроеннаго воображенія, воспитаннаго въ сиротскомъ одиночествѣ.

И снова ясно и радостно вторило эхо моему отчаянію.

Я рѣшилъ, что мнѣ необходимо уѣхать. Я рѣшилъ, что завтрашній день будетъ моимъ послѣднимъ днемъ на Верховинѣ. Еще разъ я погляжу, какъ милая Тереза будетъ утромъ кормить гусей, погляжу, какъ она будетъ переворачивать граблями сохнувшее во дворѣ сѣно, послушаю ея низкій голосокъ, а потомъ найду причину и уѣду. Я не зналъ, какъ это произойдетъ, мною владѣли безысходная любовь и отчаяніе.

Поздно пришелъ я въ деревню и, прежде чѣмъ лѣзть въ свое окно, долго стоялъ и смотрѣлъ на окошечко, выходящее въ садъ и плотно закрытое деревянной ставней. Сладко спи, красавица, я не потревожу тебя!

Утромъ дядя неожиданно собрался и уѣхалъ по дѣлу въ Волосянку. Я сидѣлъ у колодца и мастерилъ изъ дощечекъ жолобъ для стока воды. Тереза весело подошла ко мнѣ, обняла плечи и попросила помочь ей нарвать черешень. Мы прошли въ небольшой, но густо разросшійся садикъ. Я влѣзъ на дерево, а Тереза принялась собирать ягоды съ нижнихъ вѣтокъ. Когда большая миска наполнилась ягодами, дѣвушка сказала:

— Ну, теперь довольно! Слѣзай, а за труды я дамъ тебѣ награду...

Она набрала полную жменю черешень, нѣжными пальчиками оборвала хвостики и поднесла къ моему рту красную ягоду.

— Кушай, птенчикъ, кушай! — говорила она нѣжно, словно кормила своихъ пушистыхъ гусятъ. Замѣтивъ мою грустную улыбку она бросила ягоды и воскликнула:

— Адальбертъ, Адальбертъ, ты такой смутный, ты не любишь меня!...

На мои глаза навернулись слезы, я нѣжно обнялъ дѣвушку и поцѣловалъ ея черешневые уста. Она не оттолкнула, а когда поцѣлуй былъ оконченъ и я растерянно молчалъ, она закрыла свои плававшія щеки вышитымъ рукавомъ и убѣжала.

Дядя Иванъ къ полудню возвратился. Я въ это время сидѣлъ на лавкѣ у воротъ и мучительно изобрѣталъ причину для моего внезапнаго отъѣзда. Вѣроятно у меня былъ весьма печальный и растерянный видъ, потому, что дядя съ улыбкой ударилъ меня по плечу и сказалъ:

— Э, парень, вижу я, что ты затѣялъ что-то! Ну да ладно ужъ, тамъ видно будетъ!

Я ничего не нашелся отвѣтить и мнѣ показалось, что дядя начинаетъ о чемъ-то догадываться.

Обѣдъ прошелъ, несмотря на дядины старанья, довольно печально. Тереза была блѣдна и грустна. Я испытывалъ угрызенія совѣсти и искалъ предлога сказать о моемъ отѣздѣ. Однако, мнѣ казалось, что такая внезапность можетъ развить догадку дяди въ нежелательномъ направленіи, и потому я началъ искать вообще какой нибудь темы для разговора, чтобы отвлечь вниманіе. Я вспомнилъ ночь моего пріѣзда, вспомнилъ нашъ ночной разговоръ и съ облегченіемъ обратился къ дядѣ :

— Солодкій уйко, беретъ меня любопытство, что же стало съ внучкою Юрки Русина, когда ее взяли къ себѣ добрые люди?

Дядя пристально посмотрѣлъ на меня, словно желая убѣдиться въ искренности моихъ словъ, развелъ руками :

— Развѣ я говорилъ, что ее взяли добрые люди? Нѣтъ, взяли ее просто пожилые люди, которымъ Богъ не послалъ дѣтей. Эти люди собирались ѣхать въ дальніе края, покидали родину, вотъ и приняли доньку русскую, чтобы легче было переносить разлуку съ роднымъ краемъ, вотъ и взяли съ собою верховинскую дѣвушку...

— Верховинскую дѣвушку? — воскликнулъ я и покраснѣлъ : съ именемъ верховинской дѣвушки сколько муки связывалось у меня !

— Айно*), верховинскую дѣвушку,—продолжалъ дядя—которая выросла на чужбинѣ и столько радости доставляла этимъ людямъ ! А потомъ — скончалась старушка, а старикъ рѣшилъ возвратиться на родину, чтобы въ родной землѣ схоронить свои кости, и названную доньку привезъ съ собою. И-и, сколько радости, сколько счастья принесла она этому человѣку на старости лѣтъ !..

Дядя говорилъ медленно и гладилъ головку Терезы, лежавшую у него на плечѣ. Какая-то догадка проскользнула у меня въ сердцѣ, но я отогналъ ее.

— Ну, а мать, — спросилъ я — возвратилась она изъ дальняго странствованія?

— А мать — русская женщина, рѣшила она замолить грѣхи отца своего и принесла Богу въ жертву всю свою жизнь. Отецъ ея добрымъ газдою былъ, а какъ снялся съ мѣста, такъ и пошелъ странствовать; вотъ такъ — и донька. Говорю, это качество русскаго человѣка : не умѣетъ онъ грейцары въ жертву приносить : у него или послѣдній грѣхъ или послѣдняя жертва. А какъ подумаю — и въ странничествѣ есть великая и тоже русская идея : отправится русскій человѣкъ изъ родного края, а отеческое чувство въ немъ не гаснетъ, горитъ и становится ему отчиной цѣлый свѣтъ Божій. Объ этомъ еще и приснопамятный поэтъ нашъ говорилъ, Александръ Духновичъ...

*) Айно — такъ, да.

Тутъ вмѣсто печали на лицѣ дяди я замѣтилъ улыбку умиленія. Онъ говорилъ и рукою дряхлой гладилъ кудри своей доньки.

— Ну, а что-же случилось съ внучкой Русина? Гдѣ она?— продолжалъ интересоваться.

— Что-же могло стать, если ея праведная мать искупила грѣхи своего отца! А то, что искупила — это Господь открылъ ей, потому, что и донькѣ своей о томъ написала и прислала въ знакъ искупленія малый серебряный крестикъ лазурью крытый...

Когда дядя сказалъ это, словно очи мои открылись: сколько, сколько разъ видѣлъ я такой крестикъ на груди у Терезы! А въ ту минуту она, опустивъ свои очи, перебирала его въ рукахъ.

Любезные читатели! Въ жизни часто случается, что челоуѣкъ ищетъ цѣли въ жизни, читаетъ философовъ и мудрецовъ, углубляется въ науку, а все не находитъ того, что принялъ бы всѣмъ существомъ своимъ, какъ путеводную звѣзду. А случится въ жизни небольшое событіе и то, что искалъ, само откроется для сердца. Вотъ и я: учился, пробивалъ дорогу и не дорожилъ своею жизнью, можетъ быть даже и не жилъ, а теперь почувствовалъ всю жизнь своего существа. Я работаю и у меня есть цѣль и есть утѣха въ грядущемъ. Пусть разорвана моя душа и одна половина ея въ Прагѣ, а другая тамъ, на родной Верховинѣ, среди горъ, — но я чувствую силу, которая влечетъ обѣ половины соединиться къ большей жизни, къ великому счастью на землѣ.

Теперь ноябрь и Прага покрыта туманомъ и копотью, словно сто тысячъ Пепиковъ закурили свои трубки и коптятъ небо, а мечта моя не знаетъ ни копоты, ни гари, она цвѣтетъ синими небесами, что раскинуты надъ Карпатскими горами. Впрочемъ, можетъ не всѣмъ понятно мое чувство, я постараюсь объяснить.

Когда узналъ я, кто такая внучка Юрки Русина, кто такая Тереза, — словно міръ впервые увидѣлъ, словно тяжкій гнетъ спалъ съ моихъ плечъ. Я не выдалъ себя, молча принялъ, чтобы не оскорбить священный мигъ любви и признанія. Еще долго мы сидѣли молча, и я смотрѣлъ въ цвѣтушіе предчувствіемъ глаза моей возлюбленной. Помню, подошелъ къ воротамъ какой-то крестьянинъ и позвалъ дядю. Тотъ всталъ, и они пошли по улицѣ. Тогда я, полный какого-то блаженнаго спокойствія, взялъ руку Терезы и отъ всего сердца поцѣловалъ ее. Я сказалъ:

— Тереза...

Она положила свою ручку мнѣ на плечо и перебила:

— Адальбертъ, мы пойдемъ сегодня къ тому камню...

Такъ сказала она и, какъ легкое видѣнье, скрылась въ домѣ. Я долго глядѣлъ ей вслѣдъ. Я опустился на плетеное кресло дяди и не могъ оторвать взгляда отъ завѣтной двери, куда она ушла и откуда она придетъ. Сердце стучало и каждый ударъ его звучалъ именемъ.

Тереза, Тереза, Тереза!

Да, мы отправились къ тому — къ тому! — камню, когда алая теплота вечера, какъ ласковая рука, нѣжила скалы, смеречникъ и луговины. Какъ розоватый туманъ предвечерья скатывались съ горныхъ полонинъ отары овецъ, звучала далекая пастушья труба. Лѣнивый жандармъ, который вѣчно лежалъ въ бурьянѣ придорожной канавы, въ гущахъ придорожныхъ кустовъ и вызиралъ контрабандистовъ изъ Польши, высунулъ свое любопытствующее лицо и долго смотрѣлъ намъ вслѣдъ: на контрабандистовъ мы не походили, я думаю онъ завидывалъ намъ. Тропинкой мы свернули въ горы, я взялъ мою подругу подъ руку и она, какъ сообщница, посмотрѣла на меня.

На сѣверо-востокъ отъ деревушки, на лѣсномъ боку горы открылась небольшая поляна, густо поросшая розовыми цвѣтами вереска и курчавымъ, пьянымъ хмѣльнякомъ. Посерединѣ лежитъ большой коричневый, съ исподу обомшѣлый камень. Изъ подъ камня, Богъ вѣсть чьими силами взрошенная, растетъ, вьется, раскидывается алая дикая роза. Тамъ, гдѣ корни розоваго кустарника уходятъ подъ массивъ, въ землю, чувствуется влага: изъ подъ земли просачивается горная струя. Надъ этой струей нѣкогда рукою предка былъ начертанъ крестъ. Дожди и влага отъ тающихъ снѣговъ, ниспадая по глади камня, съ годами сгладили рѣзкость начертанія и углубили самое изображеніе креста. И человѣкъ, не знающій тайны его, будетъ мнить о случайностяхъ природы, забывая, что все въ мірѣ есть только закономерное развитие единственного и послѣдняго чуда — Существа Всемогущаго Бога.

Тереза благоговѣнно опустилась на колѣни передъ крестомъ, я, проникнутый чувствомъ возвышенной любви къ ней, стоялъ обокъ, и мнѣ казалось, что углубленный прохладой небосводъ пылаетъ молитвой и славословіемъ нашихъ сердець.

О русскій народъ, не ты ли години тяжкаго безвременья разрываешь лучами всемогущей вѣры, не ты ли печали свои сожигаешь на кострахъ неизсякающихъ надеждъ, не ты ли на ударъ врага отвѣчаешь любвеобильнымъ сердцемъ?

О русскій народъ! Юрко Русинъ — не твой ли онъ сынъ: разбойникъ и святой. Не русская ли дѣвушка внучка его, связывающая любовью своею поколѣнія, предковъ своихъ призывающая на праздникъ своего сердца?

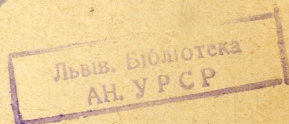
Я стоялъ полный вдохновенія и, когда Тереза кончила

молитву, я смѣло приблизился къ ней, обнялъ ея станъ и мы долго стояли, стояли молча. Къ чему были слова и клятвы, когда въ тишинѣ вечера наши души сливались въ одно какъ вечернія тѣни, полныя сновъ и нѣги. Богъ вѣсть откуда прилетѣли двѣ малыхъ сѣрыхъ птички, рѣзвясь носились по полянѣ и, наконецъ, сѣли на камень. У нашего народа есть повѣрье, что души мертвыхъ иногда появляются на семъ свѣтѣ, принимая видъ малой пташки. Ни я, ни Тереза не были суевѣрны, однако есть въ жизни мгновенія, когда люди вѣрятъ въ сказку. Такъ было и тогда.

— Смотри, — сказала Тереза, — это онѣ къ намъ прилетѣли! Онѣ радуются нашему счастью, онѣ на насъ смотреть...

Я оставилъ прекрасную дѣвушку, подошелъ къ камню, клятвенно положилъ два пальца и сказалъ :

— Кто бы вы ни были, пташки, слушайте ! Слушай, не вѣста моя ! У этого камня, столь дорогого нашей памяти, я приношу клятву вѣрности. Я соблюду твое счастье, возлюбленная Тереза, и въ жизни нашей буду хранить завѣты твоего рода. Я буду съ надеждой взирать на востокъ, но вѣрой буду крѣпить свою русскую душу. Я буду съ надеждой взирать на востокъ и, какъ послѣдняя волна великаго русскаго моря, обреченная вѣчно биться о скалистый берегъ запада, буду вѣрить, что не изсякну, поймый глубиною матери своей. Много волнъ на морской поверхности, но одна глубина, много племенъ русскаго народа, да одна душа у всѣхъ. О море русское, ты отражаешь бѣлый летъ облаковъ, червоную зарю, встающую съ востока и синеву небесъ, восходящую къ инымъ мірамъ и теряющуюся въ священной безконечности ! Ты баюкаешь спокойной и тихой лѣсней и ты сокрушаешь, когда возмущена твоя глубина !



ИЗДАНИЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

1. Евменій Сабовъ: Грамматика русскаго языка для средн. учебн. зав. Подк. Руси. Ч. 1. Этимологія. Ужгородъ 1924 г. 12 кч.
2. В. А. Францевъ: Къ вопросу о литературномъ языкѣ Подкарпатской Руси. Ужгородъ 1924. (Разошлось). 2 кч.
3. Нар. Библ. ч. 1. И Поливка: Что такое бібліотека?; И. Поливка: Первые учителя и просвѣт. славянъ; П. Федоръ: Пьянство—гибель народа; М. Микита: Объ уходѣ за удобр. Ужгородъ. 1925. 1.50 кч.
4. Нар. Библ. ч. 2. Нашъ Презид. Фома Масарикъ. (Разошлось). 1.50 кч.
5. Нар. Библ. ч. 3. Объ охранѣ отъ заразныхъ болѣзней (хворотъ). Питаніе человѣка. Ужгородъ 1925. (Разошлось). 1.50 кч.
6. Нар. Библ. ч. 4. О дружествахъ земледѣльцевъ. Ужгородъ 1925. (Разошлось). 1.50 кч.
7. О литературномъ языкѣ карпатороссовъ и грамматикѣ Евменія Сабова. Ужгородъ. 1925. 2 кч.
8. Евм. Сабовъ: Очеркъ литературной дѣятельности и образованія карпатороссовъ. Ужгородъ 1925. 4 кч.
9. Нар. Библ. ч. 5. Познай себя. Бесѣда о нашемъ языкѣ. Ужгородъ. 1925. 1.50 кч.
10. Нар. Библ. ч. 6. Разказы о жизни животн. Ужгородъ. 1925. 1.50 кч.
11. Д-ръ Ю. Гаджега: Общество им. А. Духновича и русскія женщины. Ужгородъ. 1925. 2 кч.
12. Нар. Библ. ч. 7. М. И. Микита: Полевые работы. (Разошлось). 5 кч.
13. Д-ръ І. Каминскій: Національное самосознаніе нашего народа. Памяти А. Духновича. Ужгородъ. 1926. 2 кч.
14. Евм. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытія памятника А. Духновичу въ Севлюшѣ. 1925. 2 кч.
15. Нар. Библ. Нашъ президентъ Ө. Масарикъ. 2-е изд. 1925. 1.50 кч.
16. Д-ръ Юлій Гаджега: Исторія Общества св. Василя Вел. и рѣчь ко дню 60-лѣтія отъ его учрежденія. 1925. (Разошлось). 5 кч.
17. Нар. Библ. Лисица. Отзывъ прадѣдовъ. 1925. 1.50 кч.
18. Нар. Библ. Воздѣлываніе кукурузы. В. Бензина. 1926. 8 кч.
19. Нар. Библ. Народный катехизъ. 1926. (Разошлось). 1.50 кч.
20. П. С. Федоръ: Краткій очеркъ дѣятельн. А. И. Добрянскаго. 1926. 2 кч.
21. Е. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытія памятн. А. Е. Фенцика. 1926. 2 кч.
22. Д. Н. Вергунъ: А. Е. Фенцикъ и его мѣсто въ русской литерат. 2 кч.
23. Н. Павловичъ: Русская культура и П. Русь. 1926. (Разошлось). 2 кч.
24. Д-ръ С. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва Духновича. 1922-1926. 8 кч.
25. Д-ръ І. Каминскій. Народный Календарь О-ва Духновича на годъ 1927. (Разошлось). 5 кч.
26. Духновичъ—Ст. Фенцикъ: Нашъ національный гимнъ. 1926. 2 кч.
27. А. Бобульскій: «Нѣмая невѣста». Пѣса въ 1 дѣйств. 1926. 2 кч.
28. И. Лаппо: Происхожд. украинск. идеологіи новѣйш. врем. 1926. 2 кч.
29. Д-ръ Ю. Гаджега: Краткій обзоръ научной дѣятельности Ю. И. Венелина (Гуцы). 1926. 5 кч.
30. Проф. д-ръ А. Петровъ: Древнѣйшая церк.-слав. грамота 1404 г. о Карпаторусской территоріи (съ фотогр. снимкомъ грамоты). 3 кч.
31. Д-ръ С. А. Фенцикъ. Народный Календарь О-ва Духновича на годъ 1928. 7 кч.
32. Д. Анталовскій: «Рождественская ёлка», пѣса въ 2 д. 1927. 2 кч.
33. Д-ръ К. Н. Шимановскій: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ». 1927. 2 кч.
34. П. С. Федоръ: «Несчастливая судьба», пѣса въ 4 дѣйств. 8 кч.
35. Д-ръ Ю. Гаджега: Исторія Ужгородск. Богосл. Семинаріи. 1928 6 кч.
36. Андрей В. Карабелешъ: Собраніе стихотвореній (печатається).
37. Валерій С. Вилинскій. Корни единства русской культуры
38. Георгій Верховинскій: Юрко Русинъ и его внучка.
39. Ир. М. Кондратовичъ: Къ исторіи стародавняго Ужгорода и Подкарпатской Руси. (Печатається).
40. Антоній Луковичъ: Національная и языковая принадлежность русской части Подкарпатской Руси. (Печатається).
41. Стихотворенія А. Попрадова-Ставровскаго, собр. д-ръ Н. Бескидь. (Печатається).

0,69 (1987)

Р
6754

Принимается подписка
на общественно-литературный

„Карпатскій Свѣтъ“

выходящій въ УЖГОРОДЪ одинъ разъ въ мѣсяцъ,
кромѣ іюля и августа,

посвященный культурной и художественной жизни Подкарпатской
Руси, идеямъ — единства русскаго народа и свободного славянства.

Главный редакторъ:

Архидіаконъ Евм. И. Сабовъ

предсѣдатель
Общества им. А. Духновича.

Отвѣтственный редакторъ:

Стефанъ А. Фенцикъ

докторъ теологіи и философіи,
секретарь-дѣлопроизводитель О-ва.

КЪ УЧАСТИЮ ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИГЛАШЕНЫ И ИЗЪЯВИЛИ СВОЕ
СОГЛАСІЕ СОТРУДНИЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ЛИЦА:

Авторовъ Константинъ (Америка), Астровъ Н. А., Анталовскій
Василій, губернаторъ д-ръ Бескидь Антоній, д-ръ Бескидь Алек-
сандръ, д-ръ Бескидь Николай, Бобульскій Антоній, Василенковъ
Михаилъ, проф. Вергунъ Д. Н., депутатъ д-ръ А. Гайнъ, проф. С.
Гессенъ, Гендеръ Іоаннъ, проф. Гойдичъ Степанъ, Добошъ Иванъ,
дир. Драгула Николай, проф. Дюлай Іосифъ, д-ръ Жидовскій Иванъ,
Карпинецъ Эммануилъ, д-ръ Каминскій Іосифъ, Кизакъ Іоаннъ, Ко-
вачъ Иванъ, Контратовичъ Иринеи, Луковичъ Антоній, Ладыйинскій
Іоаннъ, проф. Лаппо И. И., проф. Легра Жюль (Дижонъ), проф. Н.
Могилянскій, Малець Григорій (Львовъ), д-ръ Мачикъ Константинъ,
инж. Мигаличъ Гавріиль, проф. Микита М., сенаторъ д-ръ Б. Нѣ-
мецъ, Немировичъ-Данченко В. И., д-ръ Недзѣльскій Е. Л., проф. Па-
насъ И. О., д-ръ Паппъ Иванъ, проф. Петровъ А. П., Петровъ Андрей,
Поливка И. А., Поповъ А. В., д-ръ Ф. Скацеликъ, Ставровскій Миха-
илъ (Америка), проф. Стратоновъ В. В., проф. Стрипскій Констан-
тинъ, д-ръ Сулинчакъ Василій, акад. Струве П. Б. (Парижъ), Н. К. Сы-
соевъ, Тегзе И. (Америка), академикъ Францевъ В. А., Федоръ П. С.,
д-ръ Фенцикъ Евгений, дир. Хромякъ Осипъ, д-ръ Шкирпанъ Наталья,
Шпеникъ Василій, проф. Яворскій Ю. А. и друг.

Лица, сочувствующія и преданныя обще-русскимъ культурнымъ начина-
ніямъ приглашаются присылать научный, литературный и по общест-
веннымъ вопросамъ матеріалъ. Статьи должны быть напечатаны на пи-
шущей машинкѣ или четко отъ руки. Журналъ будетъ печататься на
обще-русскомъ литературномъ языкѣ, но въ видѣ исключенія, прини-
мая во вниманіе историческія судьбы языка Подкарпатскаго края, бу-
дутъ допускаться статьи и рассказы съ сохраненіемъ особенностей
языка автора.

Подписная цѣна на одинъ годъ въ предѣлахъ Чехословацкой респуб-
лики — 60 кч., въ другихъ странахъ Европы — 2½ амер. доллара въ
соотвѣтствующей валютѣ, въ Америкѣ — 3½ америк. доллара.

Цѣна одного номера въ розничной продажѣ — 6 кч.

Всѣ годовые подписчики, внесшіе полную подписную плату до 1 іюля
получать бесплатно народный календарь о-ва имени А. Духновича
на 1928 годъ и 2 книжки изданія о-вомъ въ 1928 г.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

УЖГОРОДЪ, (Подкарпатская Русь, Чехословакія), Маломостовая, № 7.

32435

38.

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ

ВЫПУСКЪ 38

ГЕОРГІЙ ВЕРХОВИНСКІЙ.

ЮРКО РУСИНЪ И ЕГО ВНУЧКА

РАЗСКАЗЪ.



БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЪ».

1 9 2 8.